

Вісник Донецького університету

НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ

ЗАСНОВАНИЙ У 1997 РОЦІ

Серія Б. Гуманітарні науки

№2/1999

З М І С Т

Історія і політологія

Ковальова Ю. В. Формування крупної буржуазії Донбасу в 60-90-ті рр. ХІХ століття	7
Темірова Н. Р. Поміщицьке господарство пореформеної України в радянській історіографії	11
Крутова Л. О. Політичні уроки української революції 1917-1970 рр.	19
Добров П. В., Кривко І. М. Земельні громади і сільради південної України у 20-ті роки: влада неофіційна і офіційна	23
Нікольський В. М. 1936 рік у загальному контексті політичних репресій на Україні 1930-х років	32
Коваленко В. Г. Квебекська проблема в сучасній Канаді: пошуки урегулювання конфлікту	42
Баришников С. А. Нікарагуа: виборчі кампанії 90-х років як чинник політичної модернізації	48
Грицун О. Л. Головні аспекти розвитку суспільного інтересу електорату США у 80-90-і роки	54
Докашенко В. М., Крапівін О. В. Профспілки і тоталітаризм у призмі англо-американської історіографії	58
Примуш М. В. Політичні партії – суб'єкт «партійного права»	63
Розкошній А. П. Суб'єкти та об'єкти політики (методологічно-теоретичний аспект)	72
Єрхов Г. П. Сучасні тенденції у розвитку міжнародних відносин	80

Філологія

Корабльов О. О. Таїна як категорія поетики	86
Краснікова В. В. Утвердження правди і добра у поемі «Христос» В. Сосюри	90
Постова Н. С. «Капітанська дочка» О. С. Пушкіна і «Сен-Мар» А. де Вінї: до проблеми національної своєрідності художнього мислення	93
Матвієнко О. В. Готика у дзеркалі пародії (повість О. Уайльда «Кентервільський привид»)	99

Антонюк О. В. Лексико-семантична група прізвиськ за фізичними ознаками людини (на матеріалі антропонімії Донецької області)	104
Малявін А. О. Імплицитність та значення обумовлення	107
Весела Н. О. Неспеціалізовані синтаксичні функції називного відмінка іменників та його функціональні еквіваленти у російській мові	111
Волкова Т. Я. Роль запозичень в терміносистемі англо-американського літературознавства	114
Подгайська І. М. Типи пояснювальних конструкцій в англійській мові	119
Воротникова І. Г. Засоби вираження значення започаткування у німецькій та російській мовах	122
Альошина І. Г. Системно-функціональний аналіз дієслів поступового руху у французькій мові (у порівнянні з українською)	128
Сушинська І. М. Категоріальне значення класу іменника – головного члена номінальних речень	135
Ситникова О. В. Деякі аспекти вивчення словотворчого гнізда	138
Пирлик Н. В. Супутня дія в простих та складних реченнях німецької мови	143
Безсонова О. Л. Структурно-семантична характеристика нестандартних оцінних найменувань особи	148
Захарова А. Л. Трансценденція архетипового в структурі художнього цілого (на матеріалі роману У.Голдинга «Шпиль»)	154
Кавакін А. О. Система героїв в романах Г.Гріна «Сила та слава» і «Монсень-йор Кіхот»	157

Філософія

Капустін В. А. Про омонімічність терміна «людина» у філософії і природних науках	162
Ємельянова Н. Н. Подолання духу катастрофи як нагальне завдання сучасності	166
Андреева Т. А., Бондаренко В. В. Загальнолюдські інваріанти суб'єктивного сприйняття часу	170
Сушинський М. І. Соціальні норми в системі суспільних відносин (методологічний аналіз)	176
Дубніченко В. Ю. Проблема богопізнання в російській релігійній філософії	182
Рязанова Л. С. Філософські засади сучасного західного лібералізму	187
Коритін Л. Ф. Предмет і структура естетики	192
Волошин В. В. До проблеми нігілізму	202

Педагогіка і психологія

Яновський М. І. Про психологічні механізми катарсису	207
--	-----

Вестник Донецкого университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№2/1999

СОДЕРЖАНИЕ

История и политология

- Ковалева Ю. В. Формирование крупной буржуазии Донбасса в 60-90 гг. XIX века 7
Темирова Н. Р. Помещичье хозяйство пореформенной Украины в советской историографии 11
Крутова Л. А. Политические уроки украинской революции 1917-1920 гг. 19
Добров П. В., Кривко И. Н. Земельные общины и сельсоветы Южной Украины в 20-е годы: власть неофициальная и официальная 23
Никольский В. Н. 1936 год в общем контексте политических репрессий на Украине 1930-х годов 32
Коваленко В. Г. Квебекская проблема в современной Канаде: поиски урегулирования конфликта 42
Барышников С. А. Никарагуа: избирательные кампании 90-х годов как фактор политической модернизации 48
Грицун О. Л. Основные аспекты развития общественного интереса электората США в 80-90-е годы 54
Докашенко В. Н., Крапивин А. В. Профсоюзы и тоталитаризм в призме англо-американской историографии 58
Примуш Н. В. Политические партии – субъект «партийного права» 63
Роскошный А. П. Субъекты и объекты политики (методологически-теоретический аспект) 72
Ерхов Г. П. Современные тенденции в развитии международных отношений 80

Филология

- Кораблев А. А. Тайна как категория поэтики 86
Красникова В. В. Утверждение идей правды и добра в поэме В. Сосюры «Христос» 90
Постовая Н. С. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Сен-Мар» А. Де Виньи: к проблеме национального своеобразия художественного мышления 93
Матвиенко О. А. Готика в зеркале пародии (повесть О. Уайльда «Кентервильское приведение») 99

Антонюк Е. В. Лексико-семантическая группа прозвищ по физическим признакам человека (на материале антропонимии Донецкой области)	104
Малыгин А. А. Имплицитность и значение обусловленности	107
Веселая Н. А. Неспециализированные синтаксические функции именительного падежа и его функциональные эквиваленты в русском языке	111
Волкова Т. Я. Роль заимствований в терминосистеме англо-американского литературоведения	114
Подгайская И. М. Типы пояснительных конструкций в английском языке	119
Воротникова И. Г. Средства выражения значения начинательности в немецком и русском языках	122
Алешина И. Г. Системно-функциональный анализ глаголов поступательного движения во французском языке (в сопоставлении с украинским)	128
Сушинская И. М. Категориальное значение класса имени существительного – главного члена номинативных предложений	135
Ситникова Е. В. Некоторые аспекты изучения словообразовательного гнезда	138
Пырлик Н. В. Сопутствующее действие в простых и сложных предложениях немецкого языка	143
Бессонова О. Л. Структурно-семантическая характеристика нестандартных оценочных наименований лица	148
Захарова А. Л. Трансценденция архетипического в структуре художественного целого (на материале романа У.Голдинга «Шпиль»)	154
Кавакин А. А. Система героев в романах Г.Грина «Сила и слава» и «Монсеньер Кихот».	157

Философия

Капустин В. А. Об омонимичности термина «человек» в философии и естественных науках	162
Емельянова Н. Н. Преодоление духа катастрофы как насущная задача современности	166
Андреева Т. А., Бондаренко В. В. Общечеловеческие инварианты субъективного восприятия времени	170
Сушинский М. И. Социальные нормы в системе общественных отношений (методологический анализ)	176
Дубниченко В. Ю. Проблема богопознания в русской религиозной философии	182
Рязанова Л. С. Философские основания современного западного либерализма	187
Корытин Л. Ф. Предмет и структура эстетики	192
Волошин В. В. К проблеме нигилизма	202

Педагогика и психология

Яновский М. И. О психологических механизмах катарсиса	207
---	-----

Bulletin of Donetsk University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B. The Humanities

№2/1999

C O N T E N T S

History and Politology

Kovaljova Yu. V. Formation of Upper Bourgeoisie in Donbass in 60-90s of 19 th c	7
Temirova N. R. Landlordism in the After-reform Ukraine Viewed by the Soviet Historiography	11
Krutova L. A. Political Lessons of the Ukrainian Revolution in 1917-1920	19
Dobrov P. V., Krivko I. N. Land Communities and Village Soviets in Southern Ukraine in the 1920s: Unofficial and Official Power	23
Nikolskiy V. N. The Year of 1936 in the Common Context of Political Repressions in Ukraine in the 30-s	32
Kovalenko V. G. Quebec Problem in Present-day Canada: Prospects for Reconciliation	42
Baryshnikov S. A. Nicaragua: Election Campaigns of 1990s as a Factor of Political Modernization	48
Gritsun O. L. Principal Aspects of the USA Electorate Public Interest Development in 1980-1990s.	54
Dokashenko V., Krapivin A. V. Trade Unions and Totalitarianism in Anglo-American Historiography	58
Primush N. V. Political Parties as a «Party Law» Subject	63
Roskoshny A. P. Subjects and Objects of Politics (Methodological and Theoretical Aspect)	72
Yerkhov G. P. Modern Tendencies in the Development of International Relations	80

Philology

Korabljev A. A. Mystery as a Poetics Category	86
Krasnikova V. V. Assertion of the Ideas of Truth and Good in V. Sosyura's Poem «Christ»	90
Postovaja N. C. A.S. Pushkin's «Kapitanskaya Dochka» and A. De Vigny's «Cinq Mars»: On the Problem of National Peculiarity of Artistic Thinking	93
Matvienko O. V. Gothicism through the Prism of Parody (O. Wilde «The Canterville Ghost»)	99

Antonyuk E. V. Lexico-Semantic Group of Nicknames Denoting to Human Physical Characteristics (Study of Personal Names of Donetsk Region)	104
Maljavin A. A. Implicism and the Meaning of Causality	107
Veselaja N. A. Non-Specialized Syntactic Functions of the Nominative Case of Nouns and its Functional Equivalents in the Russian Language	111
Volkova T. Ya. The Role of Loan-words in the Terminosystem of Anglo-American Literary Criticism	114
Podgaiskaja I. M. Types of Explanatory Constructions in the English Language	119
Vorotnikova I. G. Means of Expressing Inceptiveness in German and Russian (Comparative Aspect)	122
Aljoshina I. G. Systemic and Functional Analysis of the Verbs of Forward Motion in French and Ukrainian	128
Sushinskaja I. M. The Categorial Meaning of Nouns Used as the Principal Part of Nominative Sentences	135
Sitnikova E. V. Some Aspects of Considering Word-Formation Family of Words	138
Pyrlík N. V. An Attendant Action in Simple and Complex Sentences of the German Language	143
Bessonova O. L. Structural and Semantic Characteristics of Non-Standard Evaluative Names of Persons	148
Zakharova A. L. The Transcendence of the Archetypal in the Structure of the Artistic Whole (in the Novel «The Spire» by W. Golding)	154
Kavakin A. A. The System of Characters in G. Greene's Novels «The Power and the Glory» and «Monsieur Quixote»	157

Philosophy

Kapustin V. A. To the Homonymy of the Term «Human Being» in Philosophy and Natural Sciences	162
Emeljanova N. N. Overcoming the Spirit of Catastrophe as a Burning Problem the Present	166
Andrejeva T. A., Bondarenko V. V. Invariants of Subjective Perception of Time by People	170
Sushinskiy M. I. Social Norms in the System of Relations within Society (Methodological Analysis)	176
Dubnichenko V. Yu. Problem of Divine Noesis in Russian Religious Philosophy	182
Ryazanova L. S. Philosophical Grounds of Modern Western Liberalism	187
Korytin L. F. Subject Matter and Structure of Esthetics	192
Voloshin V. V. On the Problem of Nihilism	202

Pedagogics and Psychology

Yanovsky M. I. On Psychological Mechanisms of Catharsis	207
---	-----

ББК Ш43 (4ВЕЛ) (=432.11)5*8 Уайльд4

ГОТИКА В ЗЕРКАЛЕ ПАРОДИИ (повесть О.Уайльда «Кентервильское привидение»)

О.В.Матвиенко

Свою озорную пародию «Кентервильское привидение» О.Уайльд создал в 1891 г. – на исходе века, когда давно отжившая свое классическая готика осталась фактом истории литературы, а оживленные дискуссии о ней безвозвратно ушли в небытие. Спустя без малого столетие после появления первых пародий Дж. Остен «Нортенгерское аббатство» и Т.Л.Пикока «Аббатство Кошмаров» (обе – 1818 г.) готика вновь представила перед читателем в пародийном облачении – но на этот раз сквозь него просвечивают древние бессмертные формы фольклора и литературы – сказка, притча, аллегория. Эта небольшая повесть знаменует собой этап развития пародийной линии в готике, где наконец «выдыхается», исчерпывает себя жесткая оппозиция романа ужасов и его художественного остракизма. В отличие от предшественников – Дж.Остен, разоблачающей и развенчивающей «черный роман», и Т.Л.Пикока, который предпочитал полемизировать с готическим сознанием, О.Уайльд вводит готику в игровой контекст, трансформирует ее в озорную сказку. Сказочная тональность, по мнению Н.А. Соловьевой, «несколько нарушает каноны жанра» [1; 22], но при этом сближает пародию с ее первоисточником: готические романы зачастую вырастали из видений, легенд, преданий, фольклорных мотивов, генетически близких сказке.

Автор намеренно создает литературный контекст, вызывающий однозначные ассоциации с «черным романом»; уже в самом названии повести присутствуют жанровые приметы готики. Предельно узнаваемо и тщательно выписано место действия – почтенный родовый замок рода Кентервилей в тюдоровском стиле, с неизменными потайными комнатами, парадным и гобеленовым залом, оружейной палатой, библиотекой, извилистыми лестницами с обшитыми черным дубом панелями. Не обойдены вниманием автора и детали готического антуража: замок сумрачен и неприветлив, его давние обитатели – стаи гадов, воронов и сов – неохотно уступают место новым жильцам.

Сюжет повести задан сценарием готического происхождения. Здесь наличествуют и фамильные преступные тайны – «skeletons in the cupboard» – о них красноречиво напоминает кровавое пятно на полу гостиной, и фигура призрака – покойного сэра Симона де Кентервиля, и тема Рока – проклятия, и древнее вещее пророчество. Дождь, переходящий в нескончаемый ливень, заунывные стоны и завывания ветра, порывы бури, непроглядные, безлунные ночи – излюбленный в готике акустический и визуальный ряд, сопровождающий всякое появление на сцене беспокойного духа. И такое изобилие выразительных деталей настораживает: истинная, «серьезная» готика не спешит выставлять напоказ весь арсенал художественных приемов, довольствуясь одним-двумя штрихами и позволяя воображению читателя воссоздать остальное. О.Уайльд идет на сознательное нарушение этой принципиальной «пунктирности» рисунка, создавая заметный крен в сторону пародии.

Существенно меняется масштаб ключевой фигуры готики – призрака. За типично готической фигурой – призраком сэра Симона де Кентервиля – различим целый ряд его литературных предшественников, потусторонних героев Г.Уолпола, М.Г.Льюиса, А.Радклифф, В.Скотта и др. Набор их ролей традиционен: привидение предстает бесстрастным вестником божественного возмездия (дух Альфонсо Доброго у Г.Уолпола), безвинно убиенной жертвой феодальных распрей (призрак лорда Ловеля в романе

К.Рив «Старый английский барон»), грешной душой, искупающей свои земные страсти (Лорентина А.Радклиф) или злобным духом, стремящимся сокрушить волю жертвы (Дама в старинном платье из «Комнаты с гобеленами» В.Скотта). Уайльдовский образ, безусловно, вбирает в себя все эти готические ипостаси. Он настойчиво напоминает семье материалистов и прагматиков Отисов о существовании мира потустороннего; он – жертва родовой мести, погибшая мученической смертью; он посмертно несет кару за убийство жены; он преследует цель напугать соседей, вселить в них благоговейный ужас. Но в этой готической по определению фигуре проступают ошеломляюще земные, «слишком человеческие» черточки, никак не приличествующие посланцу инобытия: черты актера, эстета, денди. Его послужной список – истории о напуганных насмерть и бьющихся в истериках дамах, о джентльменах, которые занимаются лечением нервных расстройств, разбитых семьях и воспалениях мозга, о бесчисленных утоплениях, удушениях, самоубийствах – свидетельство не столько кровожадности, сколько актерского тщеславия и авантюрной жилки героя. Не случайно среди литературных источников повести значатся, помимо прочих, жизнеописание Томаса Гриффитса Уэйнрайта «Перо, карандаш и яд» и пародийное эссе Томаса де Квинси «Убийство как изящное искусство». Есть в нем и черты истого английского денди: он «перебирает гардероб», стремясь «как можно эффектнее обставить свой выход», подыскивает «сложный грим» для особых ролей; каждое появление на сцене вызывает у него чувство самоупоения, «какое ведомо всякому истинному художнику». Автор играючи обмирщает облик потустороннего героя, наделяет его характерными слабостями людей искусства – тщеславием, игрой «на публику», болезненным самолюбием, представляет его неким фатоватым светским львом, который и после смерти не в силах расстаться с привычной ролью lady-killer.

В сюжетном плане пародия строится на хроническом несовпадении мистериального сценария, освященного многовековой традицией, с логикой поведения новоиспеченных владельцев замка – семейства американского посла Хайрама Отиса. Попытки «американских варваров» вторгнуться в запретное пространство готики, внести собственные коррективы в действо симптоматичны: в пародии намеренно нарушены привычные масштабы и границы двух миров, потустороннего и обыденного. В игровую плоскость переведен и эффект «suspense»: некогда оттенявший трагическое противостояние смертного и Провидения, где последнее слово оставалось за высшими силами, теперь он вносит напряжение и азарт в озорное соперничество духа и людей. Новую расстановку сил подкрепляет и шуточный обмен противоборствующих сторон характерологическими признаками в «батальных сценах»: неумные, вечно затевающие новые каверзы близнецы смахивают на легендарных духов – трикстеров, а призрак сэра Симона на глазах деградирует, превращаясь в дряхлую, немощную развалину. Семейные рыцарские доспехи чересчур тяжелы для него; он страдает одышкой, несварением желудка, нервическим расстройством, банальными простудами.

Если образ сэра Симона все более обретает кровь и плоть, обрастает психологическими убедительными деталями (это несчастный, обозленный на мир, людей и судьбу старик), то уайльдовская героиня – юная Вирджиния Отис – несомненно «беатифицируется». Представительница семейства, исповедующего жизненные принципы практицизма и здравого смысла, Вирджиния тяготеет к преображению в бесплотного ангела кротости и милосердия. Ее литературная родословная восходит к готическим героиням (имя вполне соответствует роли – Дева). Заданное готическим сценарием противостояние вселенского злодея-призрака и невинной девы должно разрешиться подобающим финалом: духовная чистота героини в силу определения одерживает верх над кознями антигероя.

Европейская ментальность автора невольно воскрешает в Вирджинии – Героине-Искупительнице – архетипические, легендарные, литературные составляющие образа: героиню сказки «Красавица и Чудовище», серьезных «маленьких женщин» Диккенса – Нелл, Флоренс Домби, крошку Доррит, дантовскую Беатриче, Святую Деву, гётевскую Вечную Женственность. Но этот же символический ряд высвечивает и несомненную заурядность, примитивность, ущербность фигуры Вирджинии по сравнению со «старосветскими образцами»: уровень ее роли скорее соответствует американской комедии с элементами триллера, чем глубинной трагедийности английской готики. Даже возвышенная роль носительницы нравственного начала реализуется у героини на инфантильном уровне как милый нравственный ригоризм: «нечестно таскать краски без спросу», «убивать вообще нехорошо».

Небезынтересны временные и психологические «разночтения» в образе Вирджинии. Она появляется в повести в нескольких ролях, и отсюда – неопределенность, размытость ее возраста. «Сказочная» Вирджиния – младшая в семье и не ощущает себя взрослой. В старинном пророчестве упомянуто «златокудрое дитя – golden girl»; «чистотой ребенка» в Вирджинии умиляется сэр Симон. Возможно и метафорическое прочтение возраста героини: ее наивность, ребячество отражает психологическую молодость американской нации. В роли истой готической героини-инженю она, пятнадцатилетняя дочь американского посла (в переводе с «американского» – отпрыск благородного семейства), «в семье своей родной казалась девочкой чужой»: часто молчалива, погружена в себя, обладает чувствительной натурой, не принимает участия в жестких забавах братьев-близнецов. Соответствуют ее готическому амплуа и занятия живописью: она привозит с собой акварельные краски, рисует по преимуществу закаты (вспомним пейзажные наброски в альбоме барышни Эмили Сент-Обер у А. Радклифф); единственная из всего многочисленного семейства Отисов, она проявляет «an alarming sympathy with medievalism».

Пародийно обыгран автором и сцена искушения, которому добродетельная героиня должна подвергнуться со стороны демонического духа. Предупреждение: «Страшные чудовища явятся тебе в ночи и станут нашептывать злые слова», галантный жест, исполненный «старомодной грации», каким сэр Симон целует ее руку: «пальцы его были холодны как лед, губы жгли как огонь» – неизменная авторская ирония разряжает драматическую напряженность момента. Эти игривые интонации возникнут еще раз в финале повести, когда юный супруг полушутя потребует от Вирджинии отчета о ночи, проведенной «наедине» с призраком: «У жены не должно быть секретов от мужа». Фривольный тон, альковные намеки – все это безошибочно работает на снижение готического пафоса истории.

Симптоматично, что роль идейного оппонента готики в повести доверена не скептически настроенному англичанину, чей жизненный принцип – *nil admirari*, как, например, ироничный Генри Тилни у Дж.Остен или его преподобие мистер Горло у Т.Л.Пикока. Спор готического и прагматического сознания у О.Уайльда переведен в план столкновения английского и американского менталитетов, мировосприятий. Таким образом, за готикой закрепляется особая, представительская функция: готическое, прочно укорененное в британской ментальности, становится синонимом «Englishism».

С американским семейством, воплощающим в повести обыденное, прагматически ориентированное, материалистическое сознание, специфически ассоциируется важный готический лейтмотив – узурпация власти. Связь на первый взгляд парадоксальная: в нравственном облике приверженцев демократической партии, людей твердых республиканских убеждений ничего общего со средневековыми деспотами. Да и

родовой замок Кентервилей переходит к мистеру Отису в результате законной сделки, с соблюдением всех необходимых формальностей. Посол подчеркнуто заботится о защите законных прав Кентервилей – готов вернуть им шкатулку с драгоценностями, подаренную сэром Симоном Вирджинии. Извечная тема приобретает неожиданный ракурс: не насильственный захват тираном принадлежащих другому роду прав, но духовная экспансия одной нации за счет жизненного пространства другой. Идет вытеснение исконной английской культуры с ее почтением к традициям, сомнительными американскими ценностями. Налицо внешние приметы культурной агрессии: фамильные портреты в тяжеловесных рамах сменяются фотографиями членов американского семейства; даже покойного сэра Симона – символ исконной английской культуры – норовит «выжить» из замка «единственный подлинный и оригинальный призрак – дух фирмы Отис». Снисходительно-скептическое отношение американцев к стране-прародительнице проскальзывает в разговорах, разрушая неповторимую атмосферу английских чаепитий. Превосходство американской актрисы Фанни Давенпорт над великой французенкой Сарой Бернар, американской кухни над английской, исключительное значение Бостона для духовного развития всего человечества, рекомендации Вирджинии сэру Симону «съездить в Америку да подучиться немного» – всюду назойливое подчеркивание главенства заокеанской культуры, духовный снобизм, высокомерие и чванливость, притязание на культурреггерство, агрессивное внедрение американской системы ценностей, материальных и духовных.

В условном «товарном каталоге» Старого Света, составленном американцами, фигурируют и не подлежащие купле-продаже культурные, духовные ценности. При покупке замка призрак, котирующийся наравне с актрисами и оперными примадоннами, становится объектом торговли: «Пусть привидение идет вместе с мебелью». Посол хвастливо бравирует: «Заведись в Европе хоть одно привидение, оно мигом очутилось бы у нас в каком-нибудь музее или в разъездном паноптикуме».

Сами Отисы – с европейской точки зрения безродные – выскочки: мать семейства в прошлом нью-йоркская певичка, а у посла несомненные повадки ковбоя с Дикого Запада. Как и исторические узурпаторы, они спешат обзавестись замком – родовым гнездом, создать собственную родословную, породнившись со знатью. Эту общую для американцев тягу к обжитому культурному пространству Англии, ностальгию по корням, выраженную в привычном финансовом эквиваленте, замечает маленькая Вирджиния: «Я знаю многих людей, которые дали бы сто тысяч долларов за обыкновенного деда, а за семейное привидение – и того больше».

Старомодный сэр Симон не просто знакомит маленькую Вирджинию с английской и – шире – европейской культурой и ментальностью, – он приоткрывает перед ней завесу мистериальности бытия: «Он открыл мне, что такое Жизнь, и что такое Смерть, и почему Любовь сильнее Жизни и Смерти».

Эта реплика героини неожиданно высвечивает в шутовском противоборстве готической английской и прагматической американской ментальностей потенциально заложенную в ситуации философскую глубину и трагедийность. Современник О. Уайльда Г. Джеймс, чье американское происхождение и увлеченность европейской культурой позволили ему взглянуть на проблему под «заокеанским» углом зрения, создал близкую по смыслу сцену в романе «Женский портрет» (1881). Заокеанская гостья начинает открывать для себя Европу с вопроса: «Скажите, а у вас здесь водятся привидения?» На что наследник Гарденкорта с грустью замечает: «Я-то показал бы его вам, да вы его не увидите. Немногие удостоиваются этой чести. Незавидной чести. Привидения не являются таким, как вы, – молодым, счастливым, неискушенным жизнью. Тут

надобно пройти через страдания, жестокие страдания, познать печальную сторону жизни. Тогда вам начнут являться привидения» [2; 39]. Когда впоследствии Изабелла Арчер раскрывает умирающему кузену злополучную историю своих отношений с Озмондом, перед ней на краткий миг появляется призрак – знак того, что Ральф лежит мертвый в своей спальне и опыт, о котором он говорил ей, уже пережит.

Г.Джеймс предлагает исполненную жизненной трагичности развязку там, где на смешливые интонации О.Уайльда окрашивают предвкушаемый массовым читателем *happy end*. Изабелла принимает на себя психологическое бремя прошлого; Вирджиния с чисто американской легкостью помогает прошлому расправиться с бесполезным грузом грехов и страстей. Это позволяет увидеть в финале повести ироническую «аллегорическую примирения вины и невинности, Старого и Нового Света» [3; 32]. Счастливый брак Вирджинии – символ союза пасторального мира доброй старой Англии и нравственной чистоты и строгости пуритан Новой Англии. «Старосветское» приданое – шкапулка с драгоценностями и герцогская корона – являются «*the reward of all good little American girls*», как назидательно замечает автор, пряча лукавую усмешку. На символическом языке готики это означает искупление потомками прадедовских грехов, ибо родовое проклятие Кентервилей снимается благодаря заступничеству наивной маленькой американки. На языке пародии брак юной Вирджинии с герцогом Чеширским и представление ее ко двору прочитывается вдобавок и как окончательное и бесповоротное «тихое завоевание» Англии, покорившейся духу американского прагматизма и морализма: ее изнеженный дух не в силах устоять перед энергией и нравственной категоричностью заокеанских потомков.

Пародийная направленность повести ощутима уже в намеренно утрированных О.Уайльдом зловещем пейзаже, замковом интерьере – привычных детерминантах готического жанра, функционирующих здесь как ироническая стилизация. Игровое начало пародии выявляется и в неожиданной авторской трактовке готических амплуа, что заставляет «вселенского злодея» появляться в обликах галантного кавалера, денди, актера, мученика, преображает невинную заокеанскую героиню в активную поборницу справедливости, заступницу и искупительницу «прародительских» грехов, а прагматичное американское семейство – в культурных агрессоров по отношению к доброй старой Англии. Прихотливое смещение эмоциональных и нравственных акцентов, воссоздание эффекта *suspense* на наименее пригодном для этого бытовом сюжетном материале, мгновенные переключения жанровых регистров (готика – пародия – сказка – притча), диалог обыденного, материалистического и возвышенного, готического сознания, поданный через призму непростых англо-американских контактов, – все эти черты вкупе позволяют говорить об оригинальности аранжировки извечной готической темы в повести-пародии О.Уайльда «Кентервильское привидение».

РЕЗЮМЕ

У статті аналізується функціонування елементів класичної готики в пародії О.Уайльда «Кентервільський привид». Похмурий краєвид, замковий інтер'єр є легко пізнаваною іронічною стилізацією. Письменник вдається до раптових змін в традиційних готичних амплуа, трансформуючи «вселенського злочинця» у галантного денді, актора, мученика, невинну героїню – у поборницю справедливості, прагматичну американську родину – в культурних агресорів. Вигадливе зміщення емоційних та моральних акцентів, використання *suspense* в побутових епізодах, несподівані зміни жанрового характеру (готика – пародія – казка – притча), діалог буденної матеріалістичної та піднесеної

готичної ментальностей, показаний через призму англо-американських контактів, свідчить про оригінальність аранжування готичної теми в уайльдівській пародії.

SUMMARY

The article deals with the analysis of classical Gothic elements' functioning in the parody by O. Wilde «The Canterville Ghost». Sinister landscape, castle interior are ironically stylized and easily recognizable. The author indulges in an unexpected change of traditional Gothic parts which leads to «the unprecedented villain»'s transformation into a gallant dandy, actor, martyr, makes a champion of justice out of the innocent heroine, presents a pragmatic American family as cultural intruders. Quaint shift of emotional and moral stresses, suspense implementation in everyday episodes, abrupt genre switches (Gothic narration – parody – fairy-tale – parable), a dialogue of routine materialistic and elevated Gothic mentality viewed through the lens of Anglo-American contacts serve to create an original arrangement of the Gothic plot in O. Wilde's parody.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Соловьева Н.А. В лабиринте фантазии // Комната с гобеленами. Английская готическая проза. – М.: Правда, 1991. – С.5-22.
2. Джеймс Г. Женский портрет. – М.: Наука, 1981.
3. Shewan Rodney. Oscar Wilde. Art and Egotism. – The Macmillan Press Limited, 1977.

Надійшла до редакції 15.03.1999 р.

УДК. 801.313

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА ГРУПА ПРІЗВИСЬК ЗА ФІЗИЧНИМИ ОЗНАКАМИ ЛЮДИНИ (на матеріалі антропонімії Донецької області)

О.В.Антонюк

У сучасній українській мові поряд з прізвищами, іменами, іменами по батькові в усному мовленні жителів Донецької області активно використовуються прізвиська. Це назви, «які даються людям у різні періоди їх життя за тією чи іншою властивістю їх вдачі, зовнішнім виглядом і т. ін.» [1, С.82]. На відміну від офіційних антропонімів, прізвисько не тільки називає особу, але ще й влучно характеризує її.

У процесі прізвиськової номінації основну роль відіграють ті чи інші ознаки людини, на основі яких прізвиська об'єднуються у лексико-семантичні групи (ЛСГ) за фізичними та психічними особливостями денотата, за родом діяльності, особливостями мовлення, територіальними та етнічними ознаками та ін. Однією з найбільш продуктивних та різноманітних є ЛСГ, мотивована фізичними ознаками людини.

Найчастіше у прізвиськах цієї ЛСГ реалізуються мотиви номінації, що сприймаються зором і вказують на зріст людини, її масу, особливості статури, колір волосся чи шкіри, пропорційність різних частин тіла, вродливість, вікову специфіку, стан шкіряного та волоссяного покриву тощо.

У запропонованій роботі аналізуються зібрані в Донецькій області прізвиська (понад 600 одиниць).